

ОЧЕРКИ КОЛЫМСКОГО КРАЯ

ЧУКЧИ И РУССКИЕ

ПРАВЫ НИЖНЕ-КОЛЫМСКА

В Колымском округе в 1895 году был голод. Значительную помощь для голодающего населения Нижне-Колымска оказали в своё время те олени, которые «пожертвовал» здесь один чукча.

Слово «пожертвовал» и не даром поставил в кавычки: чукча, давший этих оленей, надо полагать, посылал при этом в душе не одно проклятие.

Дело было так:

В Средне-Колымске в пользу своих местных голодающих делали подписку: собрали при этом несколько сот рублей. Средневское общество вручило эту сумму своим выборным людям и отправило Последних к нашим нижне-колымским чукчам, чтобы убить у них оленей. Выборные привезли к ним с собой для этого: чай, та-бак, деньги и, кроме того, *флягу спирта*.

Надо заметить, что продажа чукчам спирту по закону строго воспрещается. Чтобы русские не опаивали чукчей и таким способом не обирали-бы их, здесь в Н.-Колымске, как в пункте ближайшем к чукотским стойбищам, правительство совсем не разрешает открывать кабаков. Но эта разумная мера, к сожалению, ни малейше не приводит к желательным результатам. В Н.-Колымске, хоть официальных кабаков действительно и нет, но торгуют водкой здесь многие. Ради этой цели местные торгаши вывозят сюда водку из Средне-Колымска целыми флягами.

Но за то, как вещь контрабандная, она продаётся здесь втридорога. На деле таким образом вышло, что постановление властей, проведённое с гуманными целями, послужило в руку только одним кулакам. Они берут в Ср.-Колымске бутылку спирту (градусов 60-70) за 2 рубля, разбавляют на половину водой и из полученных двух бутылок водки каждую продают в Н-Колымске уже 3 рубля, вгоняя таким образом бутылку средневского спирта в шесть рублей! Но и это только в продаже русскому населению в самом Н-Колымске; если же торгаши вывозят водку к чукчам (а ничто до сих пор не мешало им вывозить её туда в каком угодно количестве), то в продаже дикарям она вгоняется ещё и дороже.

Та фляга, которую привезли из Средне-Колымска тамошние выборные, имеет за собой следующее происхождение: во время подписки на голодающих один из наиболее видных средневековых купцов (некто NN) записал 100 рублей.

Но когда к нему через день пришли за пожертвованными деньгами, он вдруг вместо таковых предложил флягу спирту — и даже не флягу¹, а 2½ ведра, оценивая ведро в 40 рублей.

Но ведь вы же записали деньги, а не спирт! — заметили ему.

— Ну, что же такое! Ведь и на спирт можно убить оленей! — возразил купец.

— Так-то оно так, но, ведь вы сами знаете, — спирт запрещается вывозить к чукчам. Конечно, и исправник не согласится на это, тем более, что настоящая купля оленей будет совершаться официальным порядком: через выборных.

— Денег у меня нет! — сказал NN, — хотите берите спирт, а не хотите, то как вам будет угодно.

— Если денег нет, то вы бы лучше вместо спирту дали чаю, или табаку.

— Чаю и табаку у меня тоже нет! — отрезал купчина.

Пришедшие отказались принять спирт и доложили об этом исправнику. Исправник² написал NN записку, прося его внести пожертвованную им сумму именно деньгами, а не спиртом. NN на записку исправника ответил тоже, что он говорил и раньше.

После этого и исправник, которому отчёт о пожертвованиях надо было представлять по начальству, предложил купцу исправить неточность своей записи и заменить в ней цифру «100» рублей, двумя с половиной ведрами спирту.

Но NN-у такая поправка очень не понравилась и он стал просить лучше вычеркнуть его совсем из числа жертвователей: очевидно купцу второй гильдии было в конфуз предстать в отчёте пред губернатором и в «Областных Ведомостях» со своим спиртом на голодающих, а дать 100 руб. деньгами опять уже таки было жалко.

Тогда исправника упросили (в виду особенно крайней нужды) оставить запись NN — а так, как она была сделана, а пожертвование принять от него спиртом.

¹ В полной фляге три ведра.

² Умерший около года тому назад.

Поведение названного купца во всём этом деле весьма понятно: ему хотелось и свой престиж, как купца, соблюсти: — не дать меньше других, а в то же время и капитал свой сохранить. Спирт в Якутске он берёт рублей по 12 за ведро. С доставкой в Колымск ведро спирту обходится 17 — и никак не дороже двадцати рублей. Отдавая, вместо пожертвованных ста рублей, 2½ ведра спирту NN удерживает в своём собственном кармане, для себя лично добрую половину всей суммы.

Расчёт вполне основательный!

Кстати сказать, это тот самый NN, который в прошлую зиму, накануне первого приезда в Колымск доверенного с товарами от «Амурской компании» (г. Молодых) строил такие замечательно ловкие планы (и уже совещался по этому поводу с другими купцами, чтобы всем сразу устроить стачку): поднять цены на товары до небывалых в Средне-Колымске размеров: чай, например, до трёх рублей за кирпич! Но как раз в это время неожиданно приехал сюда названный доверенный, который сейчас же пустил свой чай по рублю за кирпич. Тут-то NN, что называется, и обсёкся!

Ну, и так NN-ский спирт попал-таки в тундру.

Чукчи страстные охотники до водки. Но они, как дикари, когда напиваются пьяными, делаются настоящими зверями. Один чукча, перепившись NN-ского спирта, тоже озверел: он вдруг почувствовал дикое животное влечение к одной своей же родственнице, которая была замужем за другим чукчей. Муж последней в это время был в отсутствии, а другие чукчи, может быть, побоялись остановить пьяного буяна. Чукча начал приступать к женщине со своими предложениями. Та пустилась от него бежать. Чукча погнался за нею, настиг её где-то в лесу, изодрал на ней одежду, но вместе с одеждой поранил (порвал и тело).

Несчастливая женщина — или от испуга, или от потери крови или же от того и другого вместе — потеряла сознание. В таком состоянии она и была брошена чукчей здесь же на «сендыхе», т.е. под открытым небом. Обезумевший от водки чукча, как видно не вполне отдававший себе отчёт в своих поступках, едва доплёлся до юрты, где тотчас-же и свалился с ног в беспамятстве. Брошенная на снегу чукчанка, придя в чувство, вернулась к себе домой. После этого она проболела несколько дней, пока окончательно оправилась.

Случись подобная история у «носовых» чукчей, те, может быть, не задумались бы пустить в ход даже кровавую расправу с обидчиком.

Но наши, так называемые, «оленные», чукчи — народ более мирный и... практический.

Они такие дела решают между собой иным способом: «сорвать с обидчика и сорвать возможно больше!» — вот главное, в чём выражается их месть. При этом, конечно, больше всего страдают табуны виновников, так как олени — единственное богатство здешних чукчей.

Но, кроме того, само положение женщины среди чукчей совсем не таково, чтобы из-за неё, по понятиям этих дикарей, ещё стоило хвататься за оружие. Чукча смотрит на свою жену, как на собственность, или как на вещь.

По обычаям чукчей они могут иметь у себя даже по несколько жён.

Жёны чукчей — рабыни, за которых их владельцы заплатили столько-то оленей или за которых они отработали своим тестям условленный срок времени.

Среди чукчей существует, между прочим, такой обычай: два друга, — за тем, чтобы ещё теснее закрепить между собой чувства дружбы, — меняются своими жёнами или навсегда, или на определённое время.

Чукча никогда не задумается предложить свою жену на ночь какому-нибудь дорогому гостю, будь то свой брат — чукча или же русский.

Бывали случаи, что подобные любезные предложения чукчи делали и русским священникам-миссионерам. Одна колымская мещанка, вышедшая замуж за чукчу, рассказывала мне, что она долго боролась с этим диким обычаем.

Известно, что теперь в Колымском округе работает экспедиция, имеющая своей целью изучение быта местных инородцев. Один из членов этой экспедиции, г. Богораз кочевал с чукчами. К нему однажды приехала в гости в чукотский лагерь его жена (по профессии акушерка). Вдруг чукча, у которого жил Б., делает последнему очень милое и лестное предложение: разменяться с ним своими жёнами — совсем, навсегда:

— Если ты мне в правду друг, то, конечно, мою просьбу исполнишь охотно, — тонко заметил хозяин юрты, желая повлиять на чувства дружбы своего гостя.

Чукча был очень огорчён, когда узнал, что подобные мены не в обычае у русских.

По вернусь к своему рассказу.

На следующий день, когда наскандаливший чукча протрезвился и ему рассказали о вчерашнем его поведении, то он сначала не поверил всему этому, а потом сильно струсил и сразу присмирел. Но зато много шумел, кричал и вопил о мести муж оскорблённой женщины. Он чувствовал за собой и право и силу, так-как знал, что его поддержат остальные. Он, между прочим, в этот же день продал русскими двенадцать оленей, но убил последних не из собственного табуна, а из табуна своего обидчика. Сделал он это самовольно, ни у кого не спросясь и на глазах своего же провинившегося родича. Последний и его семья ни одним словом не обмолвились, чтобы вступить за свой табун

Но этим дело не кончилось.

Чукотский староста предложил русским, чтобы они арестовали чукчу и судили его своим судом.

Надо заметить следующее: вообще, русские, сколько я знаю, никогда не вмешиваются в дела чукчей, и последние, в случае каких-либо тяжб или раздоров между собой, решают свои дела сами самостоятельно: у них па это есть свои правовые порядки и обычаи, до родовой мести включительно. Если же они когда-либо и обращаются к властям, то никак не к русским, а к своему тойону.

Теперешний тойон, вследствие своей мягкости натуры и бесхарактерности пользуется очень малым влиянием носовых чукчей, но наши местные, оленные чукчи всё ж таки повинуются ему. Мне известен пример, когда тойон запретил одному здешнему чукче за его буйства кочевать в этих местах — и чукча послушался тойона: он перебрался отсюда дальше на восток.

В настоящем же случае чукотский староста обратился к русским только потому, что у него самого с виновным чукчей были какие-то свои личные старые счёты: он, таким образом, хотел теперь при содействии русских отплатить своему противнику. Сам староста среди чукчей имеет абсолютный нуль значения. Его назначают русские власти затем, чтобы собирать с чукчей ясак в казну — по рублю с души. Никаких других функций он не отправляет.

Чукча ожидал, что за ним могут приехать, так как опознал, какую каверзу подстроил против него староста.

Он эти несколько дней — после своего буйства — провёл в самом тревожном, беспокойном состоянии.

Когда казаки объявили чукче о цели своего приезда, он отвечал:

— Ладно! только везите меня сейчас же! — и стал торопить их.

Увидев на нарте верёвки, чукча спросил:

— Это зачем? Меня вязать?

Казачи слукавили и указали ему какое-то другое назначение верёвок. Чукча только с сомнением покачал головой.

Пока казаки ездили за преступником, ниже-колымцы строили на его счёт разные планы:

— Оленей сотню с него взять, а потом и отпустить.. Даст, поди?

— Как не даст! Теперь с него, чего хочешь, требуй!..

— А не даст, так можно и Якутском попужать: дескать, туда его пове- зём на суд — к самому губернатору!

— О, тогда он и полтабуна не пожалеет!

— Ведь это, братцы, беда для чукчи, если его от своего табуна ото- рвать.

— Ещё бы не беда: у него тогда всё прахом пойдёт: свои же ограбят!

— Вот, ужо, ужо: посмотрим; как дело выйdet. Его привезут, так ведь прямо в караулку засадят?

— А то куда ж! Знамо — в караулку!

Чукчу привезли в Н.-Колымск поздно вечером.

Вольный сыпь тундры, попав в караулку — под замок и решётки, со- всем упал духом.

А тут ещё — ему не замедлили сейчас-же наказать всяких ужасов про то, что может ожидать его в дальнейшем. Всё это в общей сложности так повлияло на несчастного чукчу, что он провёл без сна целую ночь: хо- дил, стонал, охал и то, что называется, не находил себе места.

На следующий день к арестованному пошли: заместитель командира (сам командир был вызван какими-то делами на одну из заимок), ме- щанский староста, писарь и ещё некоторые другие. Из любопытства по- шёл и я.

Чукча — угрюмый и мрачный — сидел, скорчившись, на пороге той каморки, где он провёл такую тревожную ночь. По-видимому, он чув- ствовал себя, как волк, затравленный стаей псов. Когда с ним загово- рили, то он стал сильно волноваться; его подавленное состояние духа часто сменялось вспышками гнева.

Последнее случилось в особенности тогда, когда он оправдывался, за- давая себе и другим вопросы: «зачем же его, пьяного, не удержали, не

остановили, когда он погнался за женщиной? Зачем в то время не связали ему руки и ноги? Он ведь совершил свой поступок в беспамятстве! А ему, пьяному, нарочно дали волю, за тем чтобы потом погубить, разорить его! О, он отлично понимает замыслы своих недругов! Будет время, когда он ещё сведёт счёты со своим старостой!»

Русские замечали ему, что, если он вернётся к себе на тундру и не станет там вести себя смирно, то ему же от этого будет хуже.

Чукча отвечал на эти слова мрачным молчанием. Но вслед за тем он вдруг поддавался плаксивому настроению и начинал униженно просить русских, чтобы его отпустили домой. Те мялись и не знали, как лучше приступить к делу. Наконец писарь, обращаясь к чукче, сказал:

— Послушай, брат: если кто худое доспеет (совершит), то на первый раз это ему прощается... А ты бы, брат, вот что сделал: ты знаешь, как теперь наши голодают? — пожертвуй сколько-нибудь оленей на бедных.

Естественно, что чукча к этому предложению отнёсся, как к требованию, и спросил:

— Сколько же вы хотите?

— Ну хоть десятка три!

Арестованный сразу согласился на такое количество: может быть, он ожидал услышать цифру покрупнее. После этого чукча стал просить и настаивать, чтобы его увезли обратно домой сейчас-же, немедленно. Он не хотел даже лишнего часа оставаться здесь. Раз он не около своего табуна, то душа его не могла быть спокойна.

В этих предварительных разъездах и переговорах должно было пройти ещё несколько дней. Но чукча и слышать не хотел об этом. Он сказал:

— Как же вы мне велите ещё столько дней оставаться здесь? Кто там без меня мой табун станет караулить? В моё отсутствие мои недруги окончательно разорят меня!

Русские всё ещё продолжали колебаться в своём решении и не знали, как поступить. По этому вопросу между ними произошли довольно долгие пререкания, которые лишь раздражали дикаря. Наконец, кто-то предложил чукче:

— Ты вот что, друг: подожди до завтрашнего дня. Может — завтра командир, приедет: как он решит!

Как только чукча услышал это, то ещё более заволновался. Кажется, встречи с командиром он всего более и боялся. Чтобы уж скорее покончить с русскими и получить от них желанную свободу, дикарь решился на новую жертву для них:

— Послушайте, сказал он, не держите меня, отвезите сейчас-же домой; я вам за это к тем тридцати оленям прибавлю ещё двадцать штук; всего 50 убую.

— Русские переглянулись между собой. Такое предложение так повлияло на них, что они сразу-же сдались и нашли возможным обойти прежние затруднения. Тут же были отданы распоряжения станочным нартам, чтобы те немедленно были готовы к отъезду. Через четверть часа чукча и его провожатые были уже в пути.

Когда они приехали в чукотское стойбище, то здесь узнали, что чукчи — в свою очередь — тоже поживились на счёт арестованного³: в его отсутствие они убили у него ещё тридцать штук оленей. Преступник — чукча смолчал им и это.

Когда чукча стал убивать «пожертвованных» оленей, то он тридцать штук выбрал лучших, а после того сказал:

— Остальных двадцать я уж поплоше убую.

— Нет, зачем же, — возразили ему: — этак нельзя. Ты уж убей всех хороших!

С. В.

³ Нужно заметить, что этот чукча совсем не из богатых: в его табуне насчитывается всего несколько сот оленей.